

**ВЛАДИМИР
ВИДЖАЙ**

ВСТРЕЧИ,

**КОТОРЫХ
НЕ БЫЛО**

Владимир Виджай

Встречи, которых не было

«Издательские решения»

Виджай В.

Встречи, которых не было / В. Виджай — «Издательские решения»,

В этой книге Владимир Виджай (псевдоним Владимира Арутюняна) воссоздает живыми людей, чьи имена давно ушли в глубь времен. Для описания выбраны наиболее интригующие, порой спорные факты их биографий. Читателя не могут не привлечь оригинально воссозданные родословные Александра Суворова и тайного сына русского царя Александра I Павла Брызгалова, истории «двойничества» Наполеона и Александра I, обстоятельства женитьбы сапожника Виссариона Джугашвили.

© Виджай В.

© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Предсказания	8
Сны Дария	11
Сын конюха или графа?	20
Секрет возвращения Суворова	22
Двойник Наполеона	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Встречи, которых не было

Владимир Виджай

© Владимир Виджай, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Книга Владимира Виджая «Встречи, которых не было» еще раз убеждает в животворной силе искусства слова. Ее автор опирается на знание разнообразных исторических фактов, собственную фантазию, а также на утверждаемую в течение уже более семнадцати веков христианскую нравственную традицию, присущую армянскому народу, представителем которого он является. Большое влияние на писателя оказала сформировавшая и воспитавшая его русская культурная среда.

В рассказах, входящих в состав сборника, показаны по-человечески привлекательными: величественными и слабыми, мудрыми и ловкими, смелыми и нерешительными знаменитые люди прошлого – от Александра Македонского и первых христиан до собственных предков автора (темноволосых армян с голубыми глазами), упорно возделывающих земли на берегу озера Ван. Читателя не могут не привлечь оригинально воссозданные родословные Александра Суворова и Павла Брызгалова, тайного сына русского царя Александра I, истории «двойничества» Наполеона и Александра I, обстоятельства женитьбы сапожника Виссариона (Джугашвили).

Автор не только пытается связать рассказы на исторические темы сюжетно, но и показать в них, каким образом сила просвещения способствует развитию прогресса, по пути которого идут если не все, то отдельные представители человеческого общества. Поэтому, несмотря на смертность каждого, даже самого великого, мысль о благодарности потомков, помнящих о «создавших такой мир», придает повествованию гуманный характер, что располагает к сочувственному и увлеченному чтению книги.

Особое место занимают в сборнике рассказы на тему искусства и литературы. Внимание привлекает рассказ с весьма оригинальной и убедительной трактовкой тайны, которую не могли до сих пор объяснить даже известные искусствоведы, – тайны улыбки Джоконды.

Штрихами, как на умелом рисунке, автор создает психологические портреты Пушкина и Лермонтова. Неожиданны характеристики Николая I и некоторых царедворцев.

Афористичность авторской речи, умные диалоги, увлекательные интриги, сюжеты, тематика рассказов сделали сборник интересным и познавательным.

*Старший научный сотрудник
Института мировой литературы РАН
А. М. Марченков*

*«Фантастическое
составляет сущность»*

действительности»
Ф. М. Достоевский

Предсказания для Македонского сбываются

Аристотеля призвали заниматься воспитанием сына македонского царя Филиппа II, когда мальчику было девять лет. Философ не считал ниже своего достоинства повторить Филиппу слова Сократа:

– Ваше величество, вы уже опоздали.

На что правитель заметил:

– Ничего страшного, мой мальчик наверстает упущенное время: ему определено продвигаться по жизни быстрее лани. Слава найдет его рано.

Они говорили о великом Александре III, названном Македонским...

Александр помнил слова своего наставника: «Возвращайся домой после третьей победы, твой отец будет тебя ждать». Уже по дороге к дому молодой человек узнал, что отец умирает. Юноша погнал коня, он и его свита мчались днем и ночью. Отца Александр застал живым.

Филипп ждал своего сына. Аристотель находился рядом. Он улыбнулся и жестом дал понять, что царь дремлет. Александр опустил на колени перед ложем отца. Тот сразу же открыл глаза, почувствовав присутствие сына.

– Мой славный мальчик, мое время пришло, – тихо начал отец. – Я рад, что вижу тебя прежде, чем уйти из этого мира. Прости, но...

Филипп скончался, не договорив свои последние слова.

Александр редко плакал, так он был воспитан, – но сейчас слезы сами катились по лицу. Из его жизни ушел человек, которого он всегда считал бессмертным.

Александр резко поднялся и мгновенно покинул комнату. Его друзья не успели оглянуться, как он был уже на коне и мчался прочь от дворца. Телохранители и военачальники последовали за ним. В этот день Ал (так его звали отец и Аристотель) загнал трех коней и вернулся только ночью. Все были уверены, что Александр, изнуренный скачкой, быстро заснет, но он отправился в свою половину и приказал позвать к себе Аристотеля.

Аристотель застал его сидящим за столом, за которым мудрец ранее так много занимался с одаренным мальчиком. Александр пригласил его сесть. Они смотрели друг на друга так же, как в старые времена.

Будущий царь, размышляя, заметил:

– Ты никогда не говорил мне, что мой отец умрет.

Учитель молчал. Он знал, что его воспитанник не нуждается в многословных объяснениях. Аристотель понимал, что смерть такого дорогого и близкого человека уравнивает Александра со всеми остальными людьми: он не хочет примириться с уходом из жизни своего отца, ему трудно представить, что не будет больше того, кто, в отличие от всех других, мог разговаривать с ним как с ребенком, всегда поправляя его и наказывая быть осмотрительным. Аристотель вспоминал, что однажды царь Филипп спросил:

– Когда я умру, что ты скажешь моему сыну?

На что Аристотель возразил:

– А что, если я умру первым?

И услышал в ответ:

– Я скажу моему сыну, что умер твой великий учитель.

Аристотель хорошо помнил этот разговор.

И вот теперь мудрец сидит напротив своего гениального ученика, и тот ждет от него объяснений. Что может сказать Аристотель?

Александр прервал его мысли:

– Я понимаю, почему ты молчишь. Ты знаешь, что я никогда не смогу думать о моем отце как о мертвом человеке. Он всегда будет жить во мне, и я всегда буду слышать его голос. Я завоюю весь известный мне мир, и имя моего отца станет бессмертным. Мне нужно только время...

Незадолго до смерти Филиппа и его последней встречи с сыном астрологи сообщили царю, что по движению планет Александру предопределена короткая жизнь. Было приказано хранить это предсказание в тайне. Уже умирая, отец хотел предупредить сына, но сердце Филиппа остановилось раньше, чем он смог закончить свою последнюю фразу.

Александр Македонский торопился всю свою жизнь. Нет, мудрецы исполнили волю отца и сохранили тайну, прочитанную ими по планетам, но они были не единственными людьми, знавшими его судьбу...

Все в этом мире стало подвластно великому Александру. Он покорил бесчисленное количество народов. Его империя не знала границ.

Жизнь Македонского наполнилась событиями, о которых грядущие поколения создадут легенды, завидуя тем, кому судьба подарила удачу пройти с великим полководцем знаменательный путь.

Одно, казалось бы, обычное событие сыграло роковую роль в судьбе Александра. Произошло это далеко от места, где родился Македонский.

На подступах к землям, где люди славились своими ремеслами и письменностью, произошло кровавое сражение, унесшее много жизней преданных Македонскому солдат и полководцев. Победа была нелегкой, за ней последовала расправа... Казнили весь день. К вечеру в шатер Македонского привели пожилую женщину, попросившую полководца помиловать двух ее сыновей, сражавшихся против войск Александра. Македонский пировал со своими приближенными, он был навеселе и в хорошем расположении духа. Александр приказал разыскать сыновей женщины: про себя он решил помиловать их.

Уже к полуночи ему сообщили, что братьев нашли, но мертвыми. Их казнили в числе первых, так как возглавляемые ими отряды доставили особенно много неприятностей войскам македонцев. Александр распорядился передать матери тела казненных. Солдаты, доставившие ей мертвых сыновей, бежали прочь с ужасом: они поняли, что женщина сошла с ума.

Хоронили братьев в деревне, откуда они были родом, в маленьком поселении под названием Гордий, недалеко от поля битвы. Народу собралось много. Братьев знали во всей округе как храбрых и искусных воинов. Говорили, что младший из них, Загриб, прослышав о полководце Македонском, загорелся желанием поступить к нему на службу. Судьба распорядилась по-своему.

На следующий день после битвы в шатер победителя доставили плененных девушек. Одна из них, испуганная и заплаканная, особенно приглянулась царю. Александр видел многих красавиц, но эта словно излучала неземной свет. Звали ее Бахти. Она стала наложницей Македонского.

Шло время. Народ Бахти полностью покорился завоевателю. Казалось, Македонский совсем забыл о ней, ведь он был занят устройством управления на завоеванных территориях. Такое случалось и ранее.

Как-то вечером он приказал привести к себе возлюбленную. Бахти, одетую в национальное платье, подчеркивающее ее статную фигуру, Македонский пригласил присесть рядом. Благоуханием наполнилось все вокруг. Возникло странное чувство. Этот удивительно вкусный запах напомнил ему многое: его детство, его первую влюбленность, аромат весеннего сада его отца... Он потянулся к Бахти, но остановился. В ее глазах он прочитал какую-то глубокую печаль и вместе с тем решимость. Македонский чувствовал, как напряжена его гостя.

– Что беспокоит тебя, чего ты хочешь? – осторожно спросил он.

Слова Бахти прозвучали громом среди ясного неба:

– Я хочу убить тебя.

– Убить... меня! – почти закричал Александр, схватив ее за плечи. – За что?

– Я родом из Гордия, там ты казнил моих братьев, моя мать лишилась разума.

Македонский не возразил. Он не знал поражений, но сейчас чувствовал себя опустошенным, растерянным, даже беззащитным. «Может быть, именно так чувствуют себя побежденные мною народы. Вот это и есть ощущение поражения», – подумал полководец.

Последнее время Александр не находил ответов на многие вопросы. Его мучили сомнения: зачем все это – слава, победы, покоренные народы? Зачем добиваться этого, а потом, как отец, уйти из жизни, не узнав, чем все это кончится? Он помнил слова Аристотеля о грядущих поколениях, которые с благодарностью вспомнят своих предков, создавших такой мир. Но это мало успокаивало. Жизнь, казалось, начинала терять всякий смысл, победы не волновали, они приходили к нему как бы сами собой. Все больше и больше предавался он пиршествам, ставшим обязательным ритуалом после любой битвы. Находилось много и других поводов для винных празднеств.

Появление юной красавицы Бахти, казалось, должно было заменить многое, вернуть Македонского к прежней жизни. Но что это? Рок? Между ними встало такое несчастье. В ушах царя звучали слова Аристотеля:

– Не карай побежденный народ, старайся привлечь его на свою сторону.

Он стремился следовать этому совету. Но все чаще после победы проходили обильные возлияния, а его воины жестоко расправлялись с побежденными.

Здесь мысли царя прервались... Неожиданно Македонский выхватил свой меч и швырнул его к ногам Бахти.

– Убей меня, – почти попросил он.

Бахти уверенно взяла меч и уже замахнулась им, когда в шатер ворвались тайно наблюдавшие за всем стражники. Они сбили ее с ног.

– Оставьте нас! – вскричал Македонский и подбежал к лежащей на полу Бахти. Девушка дрожала. Он обнял ее и прижал к себе, она рыдала, он целовал прекрасное лицо, осушал ее слезы. К Александру вернулось чувство, о котором Аристотель так часто говорил с ним: «Любовью управлять нельзя, она управляет тобой».

Утром они завтракали вместе. Он приказал устроить спальню Бахти рядом, оградив ее постоянной защитой. Бахти стала женой Македонского.

Завоевания продолжались. Но единственное утешение царь искал теперь только в вине и Бахти. Его друг Харит постоянно находился рядом и много раз пытался убедить Александра изменить этот опасный образ жизни, но безуспешно. Македонский всегда выслушивал его, но упорно делал по-своему.

Вино и Бахти изменили Македонского до неузнаваемости, он на глазах превращался в другого человека. Он становился жестоким, сторонился своих друзей. Многие ранее преданные ему военачальники покидали его. Так продолжалось еще долго.

Находясь в Вавилонии, однажды утром, после особенно буйного застолья он не проснулся. Напрасно врачи пытались вернуть его к жизни. Александр Македонский был мертв.

Бахти казнили в этот же день.

Харит добился от нее признания: она отравила Македонского, отомстив за своих братьев и мать. Бахти принадлежала к касте не прощавших: кровная месть стала возмездием за убийства.

Александр Македонский прожил на свете 33 года.

Сны Дария

Дарий стоял на берегу реки и любовался восходом солнца. Неземного цвета шар выплывал из-за гор, и казалось, что к нему можно было прикоснуться руками. Тишина была настолько необычной, что Дарий слышал, как течет река. Окружающая природа завораживала его. Восход солнца поглотил Дария, и в то же самое время он невольно вспоминал о том, что совсем недавно и совершенно неожиданно для своей семьи и друзей, да и для самого себя, он порвал с городской жизнью, бросил преподавание в школе и стал пастухом. Злые языки язвили, что Дарию, мол, трудно было справляться с детьми, а с баранами будет куда легче. Но его родные и друзья недоумевали. Дарий был хорошим учителем, в школе дети любили его, в семье он был всегда опорой, а друзья уважали его и высоко ценили его мнение. Дарий никому толком ничего не объяснил, а отговаривался, что устал, что ученики перестали его слушать, что он уже не знает, правильному ли он их учил, и вообще он хочет разобраться в себе.

Сам Дарий не жалел о своем решении: его семья материально никак не пострадала, а он мог теперь обдумать спокойно, что же произошло с ним. Дело в том, что ему не давал покоя однажды увиденный им сон. И не то, что он сильно верил в сны, а то, что увиденный им во сне человек передал ему привет от отца и деда Дария и рассказал, как они живут и как они беспокоятся о своем сыне, зная, что он живет в мире, где люди все больше и больше перестают ценить добро, а зло распространяется как эпидемия. Приснившийся Дарию человек поведал ему, что грядут большие перемены, и что люди должны будут бороться за очищение и справедливость, и что борьба эта будет кровавой.

– Подумай над этим, – сказал приснившийся и исчез.

Этот сон встревожил Дария. Отец как-то говорил ему, что есть люди, которым снятся сны об их будущей жизни, и не только их жизни, но и жизни их детей и даже всех грядущих поколений. Увиденный сон изменил Дария до неузнаваемости. Он пытался разгадать, *что* это за перемены и как все это произойдет. Все вокруг ничего не предвещало – люди жили обычной жизнью, богатые богатели, бедные мучились, сильные правили, слабые подчинялись. Кто и что может все это изменить?

Солнце уже слепило его глаза. Дарий как бы очнулся и почему-то начал считать баранов. Действительно, ему было с ними легко, порой ему даже было жалко, что рано или поздно каждый из них окажется на огне. Дарий оглянулся, выбирая место на берегу реки, где он мог бы перекусить до наступления жары. Вдали, где река делала крутой поворот, он неожиданно для себя увидел человека в белом одеянии. Очень редко ранним утром он встречал здесь людей. Да и все, кого он встречал, были знакомы ему, а этот сразу показался ему незнакомцем. Дарий направился к нему. Человек в белом сидел недвижно и, подумалось Дарию, тоже любовался восходом солнца. Незнакомец повернул голову в сторону Дария. Дарий был уже совсем близко, он мог хорошо рассмотреть лицо незнакомца. Это был юноша. Тонкое прекрасное лицо озарялось голубыми глазами, нет, не глазами, Дарию казалось, что это были глубокие сияющие озера. Каштановые волосы юноши волнами ниспадали ему на плечи. Дарий внезапно остановился. Он боялся, что потеряет сознание, – такое потрясение охватило его. На него смотрел человек, которого он недавно видел во сне. Да, это был он. Дарий нашел в себе силы подойти ближе и сесть рядом с юношей. Они сидели рядом, глядя друг другу в глаза, и молчали. Дарий никогда не видел такого лица и таких глаз. Человек, который смотрел на него, был человеком из его сна, но наяву, хотя он и сидел перед Дарием, он казался все-таки неземным. Дарий невольно, как будто бы опасаясь чего-то, прикоснулся к незнакомцу, как бы пытаясь убедиться, что это не повторение сна. Незнакомец слегка улыбнулся, и, казалось, его глаза осветили лицо Дария. Так не улыбался никто.

– Кто ты такой? Откуда ты? Как тебя зовут? – торопясь, спросил Дарий.

– Я пришел издалека, – ответил юноша. – Имя мое – Иисус.

– Иисус? – переспросил Дарий. – Какое странное имя... Кто твои родители? Почему они дали тебе такое странное имя?

– Мой отец, – тихо и спокойно начал юноша, – это Отец всех людей, он очень любит нас всех и хочет нашего спасения. У него много сыновей, и всех их он направил с посланиями к людям, уверенный, что мы поможем вам изменить вашу жизнь и найти путь к очищению и спасению.

Дарий слышал разного рода разговоры об одном человеке, вокруг которого на городских и деревенских площадях собираются толпы людей, чтобы понять его рассуждения о новой жизни. Этот незнакомец называл себя посланником, который должен избавить людей от беды, увести их от грешной жизни. Хозяин лавки, которая была рядом со школой Дария, – Иуда – слушал проповеди этого человека и говорил всем, что его слова надо запоминать, так как в них все правда, и что все будет так, как он говорит. А как? Этому никто толком не мог объяснить.

Дарий был в замешательстве, он как будто бы потерял связь между всем происходящим. Но следующие слова юноши вернули его к действительности.

– Я сижу здесь, – продолжал Иисус, – и думаю: неужели мой отец не знал, что люди не поймут меня, не пойдут за мной? Мне очень больно, когда люди требуют от меня обязательно сотворить чудо, иначе они не поверят ни одному моему слову.

– Но я слышал, – заговорил Дарий, – что ты можешь творить чудеса.

– Природа наделила меня способностью заставлять людей поверить в свои силы, и это приносит самоисцеление, – отвечал Иисус.

Он говорил тихо и не торопясь, иногда смотрел вдаль, в сторону солнца, иногда прямо в глаза Дария, и тогда тот чувствовал такой прилив сил, что ему казалось, что он взлетит. Дарий хотел, чтобы это мгновение его встречи с этим необычным человеком продолжалось вечно.

У Дария было много вопросов, которые он хотел задать Иисусу в надежде, что получит успокаивающие ответы. В то же самое время он боялся напугать юношу своим многословием, боялся, что Иисус может неожиданно покинуть его. Дарий молчал, как ему показалось, целую вечность. Иисус смотрел на реку. Наблюдая за ним, Дарий понимал, что его мучают какие-то сомнения. Он вспомнил рассказ Иуды, который был свидетелем, когда толпа хулила Иисуса, который не торопился с сотворением чуда. Толпа настолько возбудилась, что многие стали кричать, чтобы он шел вон из их деревни. Тогда Иуда не побоялся подойти к Иисусу и пригласил его разделить с ним хлеб с сыром и вином. Иисус не отказался.

Мало кто верил этому и другим рассказам Иуды. Уж слишком часто он оказывался вдали от своего дома – там, где находился Иисус. Верили не многие. Дарий был в их числе. Ему было известно, что время от времени Иуда неожиданно закрывал свою лавку и уходил из города. Теперь Дарий понимал, что он уходил в поисках Иисуса, чтобы послушать его.

Иисус вновь перевел свой взгляд с реки на Дария, и тот вспомнил, что хотел найти место для утренней трапезы. «Так вот оно, это место», – решил Дарий и предложил юноше что имел – лепешки, сыр и легкое вино. Иисус согласился и сказал, что Дарий – второй человек в округе, который предложил ему разделить кусок хлеба. Первым был городской житель Иуда, который часто видел Иисуса и восхищался его посланиями, он один из немногих, который верит Иисусу и даже хочет бросить свою городскую жизнь и отправиться сопровождать Иисуса в его хождениях по городам и деревням. Дарий про себя очень обрадовался, что правильно угадал, куда отлучался Иуда.

Иисус ел, так же как и говорил, медленно, и, казалось, каждая крошка хлеба, каждый глоток вина насыщали его. Дарий не удержался и сказал, что знает Иуду – живет с ним по соседству. Дарий сразу увидел, что Иисус улыбнулся, и не успел он сообразить, почему его слова вызвали улыбку на лице юноши, как тот сказал, что, оказывается, он знает Дария уже давно. Это Иуда рассказал ему о странном учителе, который стал пастухом по собственной воле, отказав-

шись от довольно хорошего положения в обществе. Иуда просил Иисуса объяснить – почему люди принимают такие решения? Окружающие считают их безумцами.

Иисус не торопился с ответом. Нельзя сказать, что он обдумывал его, нет, он смотрел вдаль и что-то вспоминал, может быть, свои разговоры с отцом. Дарий вновь увидел глаза юноши, озаряющие его светом и добротой, и в этот момент он понял, что Иисус одобряет его решение, больше того, он рад, что встретил его, Дария, и готов развеять его сомнения. Иисус вновь заговорил неожиданно и с грустью заметил, что люди, не пытаясь понять друг друга, всегда торопятся с осуждением, становясь злыми и жестокими, и, что самое страшное, – берут на себя роль судей, хотя сами утопают в грехах и лжи.

– Ты на правильном пути, – продолжал Иисус, – так как хочешь найти согласие и мир со своей совестью. Я вижу – ты не завидуешь никому, и богатства других тебя не беспокоят. Отец мой знает, что такие, как ты, люди есть на земле, и он наставлял меня и моих братьев опираться на вас. Я хочу, чтобы все люди или большинство из них были бы подобны тебе, и тогда ими будет править только их совесть и послания моего отца.

Дарий почувствовал облегчение, и определенная уверенность пришла к нему; он начал говорить с юношей, уже не сомневаясь, что все происходит наяву и перед ним тот самый легендарный человек, появление которого перевернуло всю жизнь в округе Дария. Было как-то странно, что Дарий, такой старый человек, проживший, можно сказать, всю жизнь, набравшийся большого опыта, не чувствовал, что он говорит с юношей, напротив, у него было чувство, что он говорит с человеком старше себя. Дарий ощущал, что этот юноша каким-то образом прожил несколько жизней, жизней разных людей и народов, и время для него стало вечным. Как бы угадав мысли Дария, Иисус заговорил о том, что люди, окружающие его, не хотят смириться с мыслью, что кто-то может научить их жить по-новому. Молодость Иисуса сеет сомнения в их душах, эти сомнения перерастают в смятение, и тогда в гневе они прогоняют его. Но не все. Часто Иисусу трудно уединиться, так как желающие его слушать находят его, и тогда они часами обсуждают проблемы жизни, разбирают слабости человека, решают проблемы власти, проблемы богатства и нищеты.

Дарий всегда сомневался в возможности убедить людей жить по-другому, он сам столкнулся со стеной, которой люди огородили себя и не позволяют никому разрушать эту стену. Их уклад жизни формировался веками, они привыкли к определенным ценностям, и смеются над теми, кто не верит в силу денег, и отворачиваются от тех, кто призывает на зло отвечать добром. Око за око – все так просто и справедливо, – это им понятно. В чем смысл жизни? Совсем недавно, после памятного сна, Дарий все чаще и чаще задавал себе этот вопрос. Неужели в том, чтобы нажить богатство и умереть? Он прекрасно понимал, что семья, его дети делают жизнь осмысленной, его внуки наполняют жизнь удивительным содержанием, какой-то новой любовью, как бы любовью к своей новой, второй жизни. Дарий гордился своей семьей, своими детьми и внуками, своим домом. Когда ему становилось трудно, он находил покой и новые силы в кругу своих домашних; только имея за собой такую неисчерпаемую поддержку, мог он противостоять внешнему миру, который так часто был жесток. Да, все это ему понятно. Им двигала любовь к родным по крови, ответственность за их судьбу, желание сделать их жизнь счастливой. Да, в этом он находил большой смысл. Но почему за последнее время все так сильно изменилось в его голове? Почему он, счастливый Дарий, наполнился непонятной ему тревогой? Его добрая и мудрая жена успокаивала его, повторяя, что все разрешится само собой. Сегодняшнее утро как будто бы подтверждало предсказания его жены. Странно, но, сидя рядом с этим молодым человеком, Дарий чувствовал, что к нему вновь возвращается былая уверенность. Дарию очень захотелось пригласить юношу к себе домой, познакомить его со своими родными и друзьями. Он спросил Иисуса, где тот собирается остановиться на ночлег, и, когда услышал, что юноша еще и сам не знает, сразу же с радостью предложил ему свой дом. Иисус как будто бы ожидал этого и, не задумываясь, согласился. Восторгу Дария не было границ.

С заходом солнца они уже подошли к дому Дария. Домашние, как всегда, были рады приходу главы семьи, и дом наполнился веселым шумом. Все участвовали в приготовлении ужина. Иисус тоже обрадовался такой атмосфере, и появившаяся на его лице уже знакомая Дарию улыбка успокоила старика, и он вновь почувствовал, что наполняется спокойствием и уверенностью. Дарий объяснил жене, что привел в их дом человека, о котором так много рассказывал их сосед Иуда. Жена Дария Нерса пригласила Иисуса сесть за стол и угостила его домашним вином, пообещав быстро приготовить ужин. Дарий немного волновался: он очень хотел, чтобы Иисусу понравилось у него дома. Он послал своего старшего сына Арта позвать на ужин Иуду и своего давнего друга – плотника Ваграма.

Скоро Арт вернулся с двумя гостями, и мужчины уселись в ожидании ужина. Дочери Дария помогали своей матери у очага. Быстро накрыли на стол. Некоторое время сидели молча. Иуда заговорил первым. Он поблагодарил Дария за приглашение и спросил Иисуса, как ему живется, не достается ли ему от местных властей, так как многие говорят, что римляне не одобряют проповеди Иисуса и обещают покончить с этим пришельцем. Иисус, улыбнувшись, сказал, что римляне не могут изменить ход событий, что не в их силах заставить его молчать или приказывать всем людям заткнуть уши и не слушать, о чем он говорит.

– Может, это и так, – ответил Иуда, – но у местных властей достаточно возможностей, чтобы остановить любого и легко расправиться с ним.

Иуда объяснил, как римляне наказывают людей, которые, по их мнению, нарушают покой среди местного населения:

– Очень часто местные власти не останавливаются ни перед чем, даже перед распятием на кресте.

Иисус спокойно и внимательно слушал Иуду и понимал, что собравшиеся с интересом ожидают ответа. Все знали: время от времени, как правило, на возвышенных местах, чтобы лучше было видно, римляне устанавливали высокие деревянные кресты, на которых распинали людей, не только совершивших тяжкие преступления, но и просто негодных и неудобных им. Иисус сам много раз наблюдал эти казни и видел, сколько любопытных они собирают. Власти использовали казни для устрашения. И действительно, это способствовало сокращению преступлений. В некоторых окрестностях уменьшалось число краж и убийств. Но скрывалось, что никакими распятиями невозможно добиться прекращения или даже сокращения процесса, который начался уже давно, – многие постоянно выражали недовольство режимом, и римляне жестоко карали любого, кто посягал на устои их правления. Поэтому появление Иисуса, который собирает так много народа вокруг себя и к которому прислушиваются даже занимающие видное положение в обществе жители, всерьез встревожило местные власти, и они были вынуждены установить слежку за этим человеком. Известный в этих местах советник Пилата, наместника римского императора, некий Харит, организовал специальную группу тайных агентов, которые докладывали о всех передвижениях Иисуса и о тех крамольных мыслях, которые он высказывает. Иисус понимал, что находится в очень сложном положении, но оставался спокоен. И это видели все окружающие. Слова Иуды не были для него новостью, более того, он оказался неподалеку от дома Дария, потому что вынужден был покрыть большое расстояние, преодолев даже сложный горный перевал, чтобы уйти от своих преследователей.

Ответ Иисуса потряс Дария и его близких, когда они слышали, что юноша всегда знал, что ему грозит опасность, что он совсем не наивен и понимает, какие испытания ему придется вынести на пути к разуму и душам людей. Иисус говорил это с таким спокойствием, которое настораживало Дария и его друзей, так как они были уверены, что юноша не понимает – ведь ему грозит даже смерть. Плотник Ваграм отважился заговорить об этом и без намеков спросил, а не боится ли Иисус быть распятым на кресте за все свои проповеди.

Иисус слушал и думал. Слушал он внимательно, как всегда, и в то же время он думал о Мирами, младшей дочери Дария. Она напоминала ему его мать, такая же красивая и крот-

кая. Иисус понимал, что за столом ждут его ответа на слова Ваграма. Юноша оглядел всех внимательно, а затем, закрыв глаза, тихо начал:

– Что такое умереть ради людей, пытаюсь вселить в них веру в то, что они могут быть лучше, что повседневные заботы в обеспечении хлебом насущным не должны делать людей черствыми в отношении друг к другу, что они должны понимать, почему зло может погубить этот мир, и что настало время большой веры, веры в себя, веры в... – здесь Иисус остановился на мгновение, а затем твердо добавил: – веры в Бога, Отца моего.

Все замерли, оцепенели, потеряли дар речи. Молчание было гробовым и долгим. Казалось, что они все окаменели, застыв в каких-то странных позах.

Вошедшая в комнату жена Дария испугалась. Иисус улыбнулся ей и похвалил ее пищу.

– Это не я, это всё – мои дочери, я только командовала, – заметила Нерса.

Ее слова заставили очнуться Дария и его друзей. Первым заговорил плотник Ваграм:

– В Бога, твоего Отца, как же это понимать? У нас было много разных богов, мы поклонялись им по традиции, унаследованной от предков. А ты говоришь о поклонении твоему отцу, то есть человеку. Что, он такой же, как и мы?

Пришедший в себя Иуда сразу оживился:

– Да к тому же ты сам рассказал нам, что вырос без отца, я совсем запутался, Иисус, что ты говоришь, понимаешь ли ты сам?

Дарий, хотя и очнулся, находился, однако, все еще в оцепенении. Он слышал какие-то звуки, и ему казалось, что он начинает подниматься вверх. Ему часто снились сны, в которых он летал. Летал как-то совсем легко, поднимался над землей и иногда просто висел в воздухе, парил, и его руки заменяли ему крылья. В этих снах он чувствовал, что может подняться еще выше, но что-то останавливало его – то ли страх потеряться, оторвавшись от земли, то ли сознание, что ему и так уже приятно и уютно. Именно так он чувствовал себя сейчас.

Дарий давно понял, что находится полностью во власти этого молодого человека, какая-то неземная сила тянула его к Иисусу. Такого ощущения старик не мог припомнить за всю свою жизнь. Дарий был окончательно уверен, что его сны начинают сбываться. Быстро, в считанные секунды, в его памяти пролетел не однажды виденный им сон. Он летит над землей, поднимаясь все выше и выше, он видит вдали уходящее за горизонт солнце, оно как будто зависло и почему-то не скрывается за горизонтом. Дарий продолжает парить, и ощущение безграничного пространства охватывает его, и в то же время им овладевает страх. Он видит много разных лиц, красивые троны, почему-то не золотые, а серебряные. Неожиданно он оказывается над пропастью, и ощущение полета еще больше охватывает его. Однако вдруг он чувствует, что начинает падать, его страх усиливается, превращаясь в панику, и в это время где-то внизу, в пропасти, появляются новые лица, много лиц, и он вновь начинает подниматься.

Лицо этого юноши Дарий помнит хорошо, он видел его именно в этом сне. Дарий начал чувствовать, что почва уходит у него из-под ног, он смотрел на Иисуса, затем на Иуду, последние слова Иуды зазвенели в его голове, и он потерял сознание.

Когда Дарий пришел в себя, он понял, что лежит на своей кровати, рядом были его жена и дети. Младшая дочь плакала. Он попросил жену рассказать, что произошло. Нерса, запинаясь, сбивчиво начала объяснять, но в это время в комнату вошел Иисус. Дарий захотел встать, но Иисус остановил его и присел рядом. Их глаза встретились, они долго молчали, читая мысли друг друга. Им незачем было говорить. Дарий твердо понял, что у него в доме, рядом с ним, находится необыкновенный человек. И, все еще глядя на Иисуса, он тихо, но четко сказал:

– Иисус, ты уже давно со мной, ты приходил ко мне во сне, я верю тебе, Ты – мой Бог.

Эти слова Дарий произнес без всякого напряжения.

Жене и детям показалось, что эти слова произнес совсем другой человек. Иисус обнял Дария. Старик заплакал, говоря:

– Я очень хорошо помню слова моего деда о том, что многие странствующие люди, побывавшие в разных дальних странах и многое повидавшие, предупреждали, что на нашей земле появится Человек, который, в отличие от всех, не станет требовать для себя ничего, а будет думать только о благополучии других людей, об их спасении и будет готов ради этого даже принести себя в жертву. Мой дед очень хотел, чтобы я встретил этого человека. Его мечта сбылась.

Дарий продолжал плакать. Нет, он не плакал, он смотрел на Иисуса, и слезы, казалось, произвольно катились по его щекам.

Иисус попросил Нерсу принести тазик с водой. И каково было удивление всех, когда он, присев на корточки, начал мыть ноги Дарию. Дарий и сам не мог сразу сообразить, *что* происходит. Ему казалось, что он вновь теряет сознание. Первым его желанием было остановить юношу, но почему-то он не сделал этого. Все в комнате как замороженные наблюдали за Иисусом.

Младшая дочь Дария, Мирами, казалось, меньше всех была удивлена таким неожиданным поворотом событий и спокойно, покинув комнату, вернулась с полотенцем. Иисус продолжал мыть ноги Дарию. Мирами присела рядом с Иисусом и положила полотенце ему на плечи. Когда все было закончено, Иисус сказал:

– Теперь ты должен отдохнуть, а я пойду к Ваграму, он предложил мне переночевать у него.

Дарий и все его домашние почти вместе, чуть не плача, заголосили:

– Разве не ясно, что юноша находится в своем доме, и только здесь он должен переночевать!

Иисус, улыбнувшись, согласился. Мирами не скрывала своей радости. Иисусу отвели небольшую комнату, прилегающую к кухне. Рядом с кроватью поставили кувшин с холодной водой. Сон быстро пришел к юноше. Иисус редко видел сны, но в эту ночь ему приснилась необычно красивая девушка. Иисус вздрогнул и проснулся. Он не мог поверить своим глазам – значит, это явь? – на краю кровати сидела Мирами.

– Почему ты здесь? – тихо спросил юноша.

Мирами молча наклонилась и прикоснулась губами к руке Иисуса. Нет, она не поцеловала руку, но прикосновение ее губ обожгло юношу. Он взял ее обе руки.

– Ты знаешь, что ты делаешь? – спросил Иисус.

Не говоря ни слова, Мирами наклонилась еще ниже и прикоснулась губами к его щеке. Иисус обнял ее.

В эту ночь после ухода Мирами Иисус долго не мог заснуть. Мирами сказала ему, что хочет всегда быть вместе с ним и разделить все его невзгоды и радости.

– Это невозможно! Что скажут твои родители? Твой отец болен. Он нуждается в тебе. Он хорошо понимает, что, если ты уйдешь со мной, то тебя ожидают одни неприятности, – пытался убедить ее Иисус.

Мирами ничего не ответила. Иисус не сомневался, что такая девушка, как Мирами, не может бросаться ни чувствами, ни словами. Он также был уверен, что Дарий не будет останавливать свою дочь.

В доме Дария просыпались рано. Иисуса разбудил удивительно приятный запах свежеспеченных домашних лепешек. Жена Дария позвала его к завтраку. Вся семья сидела за столом. Иисус сел рядом с Дарием. Завтракали почти молча. Все были рады, что главе семьи стало лучше. Казалось, что никто не знал, о чем говорить. Дарий чувствовал себя как-то странно: с одной стороны, он понимал, что встреча с Иисусом окончательно изменила его, заставив думать о вещах, которые раньше не беспокоили его, с другой, он все еще не представлял себе с определенной ясностью, *что* он, Дарий, должен делать, как он, Дарий, должен себя вести. Он понимал, что Иисус сегодня же покинет его дом, и уже не будет рядом этого юноши, влияние которого он так сильно ощущал.

Мирами думала о том, как при всех объявить о своем решении уйти с Иисусом. Вчера ночью это не казалось ей страшным, напротив, она была уверена, что все произойдет очень просто, само собой. Теперь же, здесь, за столом, страх овладел ею. Она даже боялась подумать о том, что произнесет эти слова вслух.

Иисус думал обо всем, что произошло вчера, что происходит сейчас, что ожидает его впереди. Он как будто бы и не был за столом. Ему нравилось быть в этой семье, он даже успел полюбить их всех, эта семья так отличалась от всех других людей, которых он встречал на своем пути. Его мысль остановилась на Мирами, но он не посмотрел в ее сторону, он знал, что девушка избегает его взгляда.

Мирами теперь, с приближением окончания завтрака, не только боялась произнести слово, но она чувствовала, как ее охватывает дрожь. Страх, что Иисус вот-вот покинет их дом без нее, полностью овладел ею. Она, конечно, не знала, что ее отец просыпался ночью и понял, что Иисус и Мирами были вместе.

Дарий, положив руку на плечо Иисуса, тихо сказал:

– Я знаю, ты должен уйти, я слишком стар, чтобы отправиться с тобой, но я очень хочу, чтобы моя славная дочь Мирами сопровождала тебя. Я знаю, ей будет нелегко, но она сильна духом и будет тебе надежной опорой.

Мирами, зарыдав, подбежала к отцу. Дарий обнял ее и спросил:

– Ты боишься, моя девочка?

Сквозь слезы Мирами ответила, что больше всего в жизни хочет этого, и... Иисус, не дожидаясь вопроса Дария, подошел к нему и сказал:

– Я знаю, ты хорошо представляешь испытания, на которые посылаешь свою дочь. Я благодарен тебе и твоей семье, и я знаю, что Мирами будет для меня верным другом, и я прошу простить меня за то, что мое появление в вашем доме оборачивается для вас потерей.

Жена Дария Нерса и остальные члены семьи с нескрываемым удивлением наблюдали за этой неожиданной сценой. Нерса заплакала. Приблизившись к своему мужу и глядя на Иисуса, она произнесла:

– Я понимаю, что никто и ничто не может остановить мою девочку, и ее решение не является для меня неожиданным, но нельзя представить себе, как она сможет обойтись без меня, без отца, без своих братьев и сестер, без своего дома.

– Я буду для нее всем, – начал Иисус, – но я знаю, что жизнь моя коротка, нелегкий путь выбрала ваша дочь, нас ожидают тяжкие испытания, мой конец жесток и трагичен, но в памяти людей наши имена всегда будут вместе, и я знаю, что эта память будет благодарной и вечной.

Дарий оставался спокоен. Да, его сны сбываются, большие изменения уже начались в его жизни, он жалел только об одном – он слишком стар и вряд ли увидит, чем все это кончится. И, вместе с тем, он был рад, что его любимая дочь становится частью этих изменений и что она... здесь мысль Дария оборвалась, и он с неожиданной бодростью попросил жену помочь Мирами собраться.

Дом Дария опустел. Старик был молчалив. Он чувствовал, что теряет силы, слишком много пришлось пережить ему за последнее время. Иуда и Ваграм навещали его часто и иногда рассказывали ему услышанные от людей истории об Иисусе и Мирами. Они скрывали от Дария распространяемую людьми Пилата сплетню, что Иисус связался с путаной.

Однажды Дарий спросил Иуду, почему тот перестал отправляться на поиски Иисуса, чтобы послушать его, как бывало прежде.

– Я собираюсь навсегда уйти к нему, – был ответ хозяина лавки.

Вскоре Иуда исчез из города. Дарий потерял счет времени. Дни пролетали как молнии. Все реже и реже к нему доходили новости об Иисусе и Мирами, да и те, которые он слышал, были совсем неутешительными, – люди Пилата постоянно преследовали Иисуса, объявили его опасным для государства человеком, и он часто был вынужден скрываться. Дарий чувство-

вал приближение своей смерти, он очень хотел перед смертью еще раз поговорить с Иисусом и увидеть свою дочь. Он даже пытался уговорить Нерсу отправить его со старшим сыном на их поиски. Но старик был так слаб, что жена не хотела об этом даже слышать. Однако судьба распорядилась по-своему.

Однажды утром к Дарию пришел взволнованный Ваграм. Он рассказал, что на базарной площади узнал о том, что люди Пилата поймали Иисуса и грозят распять его на кресте. К полудню об этой новости говорил весь город, называлось место, где власти осуществляют казнь Иисуса.

Дарий начал собираться в дорогу. Нерса даже не пыталась его отговаривать, только, плача, она спросила:

– Как же ты будешь передвигаться?

Дарий объяснил, что все продумал и возьмет с собой старшего сына, Арта, и Ваграма, которые повезут его на огородной двухколесной тачке, сделанной им самим еще во времена работы в школе. Уже на следующее утро они отправились в путь.

По дороге они наслышались столько мыслимых и немыслимых историй об Иисусе и Мирами, что Ваграм и Арт даже пытались уговорить Дария вернуться домой. Но старик не слышал их, он торопился, боясь опоздать и не увидеть Иисуса живым. Путь их был долог.

К месту, где обычно распинали преступников, они добрались поздно ночью. У подножья высокого холма уже собралось много народа. Казнь была назначена на утро. На рассвете Дарий увидел, что вокруг холма собиралось все больше и больше людей, особенно много столпилось по обе стороны дороги, ведущей на вершину холма. Он попросил подвезти его как можно ближе к этой дороге. Сделать это было весьма трудно, но Арт и Ваграм сумели занять место, с которого Дарий мог лучше увидеть, что происходит вокруг.

Утреннюю тишину пронзил резкий звук трубы. Толпа зашумела – приближались приговоренные к смерти. Дарий вытянулся в надежде рассмотреть хоть что-нибудь. Вскоре он уже мог видеть первых идущих. Он за всю свою долгую жизнь никогда не проявлял интереса к такому зрелищу, а теперь он находится здесь, среди зевак. Судьба послала ему страшное испытание – наблюдать распятие такого близкого и дорогого ему человека. Приговоренные шли толпой, их головы были опущены, все несли на себе тяжелые деревянные кресты, прибавившие их почти до земли. Дарий искал не свою дочь, он искал Его. Он не сомневался, что Мирами будет рядом с Ним. Вот он заметил знакомые ему каштановые волосы. Да, это был Иисус. Дарий не отрывал от него глаз, он хотел кричать, но не мог. Он искал глаза Иисуса, и вдруг юноша приподнял голову, и их глаза встретились. Дарий отметил такую усталость в глазах Иисуса, что его сердце сжалось, он заплакал. Уже сквозь слезы он обратил внимание на идущую по краю дороги, рядом с Иисусом, Мирами. Сразу он не мог понять, что произошло. Да, это была его дочь, но в то же самое время она стала совсем другой, рядом с Иисусом шла женщина с красивым лицом, обрамленным пышными волосами. Но что такое? Он не сразу понял – волосы ее седые. Мирами не плакала, она двигалась наклонясь, как будто тоже испытывала тяжесть деревянного креста. «Моя славная девочка, сколько ей пришлось пережить и сколько еще придется», – подумал он. Теперь Дарий видел только плывущие большие кресты – осужденные на смерть медленно продвигались к вершине холма.

Стук молотков буквально оглушил Дария, голова его раскалывалась на части, слезы градом катились по лицу. Он видел Иисуса на кресте, и ему казалось, что тот смотрит в его сторону. Дарий на мгновение почувствовал, что теряет сознание, затем нашел глазами Иисуса; у подножья креста на коленях стояла Мирами. Дарию послышалось, что Иисус что-то говорил ей. Иисус был еще жив. Дарий потерял сознание.

Он пришел в себя от холодной воды, которой окатили его сын с Ваграмом. К нему приближалась Мирами. Она подошла к самой тачке и стала на колени перед Дарием.

– Прости меня, дочь моя, – из последних сил сказал Дарий.

– Отец, спасибо тебе, я была так счастлива с Иисусом, он стал моим Богом. Он стал нашим Богом.

Дарий слышал эти слова, уносясь куда-то высоко, как прежде в своих снах. Он умирал в день распятия Человека, который стал для него Богом.

Сын конюха или графа?

Граф Шереметев любил ездить к своему другу Александру Павловскому, поместье которого находилось на берегу Москвы-реки, неподалеку от великолепных мест охоты на дичь и лесного зверя. Павловский унаследовал это имение от своего отца, дед которого был приближенным первого русского царя из Романовых – Михаила. Впоследствии отец Александра – граф Никанор Александрович – посвятил свою жизнь служению царю Алексею Михайловичу, отцу Петра Великого. В соответствии с желанием своего деда Александр для получения образования был отправлен за границу. Вернулся он оттуда, когда молодой царь Петр набирал силу.

Так сложилось, что молодой граф Павловский увлекся естественными науками и историей, а государственная служба его не привлекала.

Шереметевы и Павловские издавна дружили семьями. Когда молодой Павловский вернулся из-за границы, старший из Шереметевых уже сблизился с русским царем. Зная интересы Петра и видя перед собой высокообразованного человека, только что прибывшего в Россию и полного идей о ее преобразовании, Шереметев без всяких колебаний представил Александра царю Петру. Беседы молодого царя с графом Павловским оказали большое влияние на решение Петра использовать опыт заморских «дикарей».

Павловский нравился Петру, но общались они не часто. Совсем другое – граф Шереметев. До последних дней Петр будет ценить и любить этого незаурядного человека.

Дружба графа Шереметева и графа Павловского продолжалась. Вот и сейчас, после длительного перерыва, Шереметев ехал к Павловскому. Воспоминанием уже стала битва под Полтавой, когда особенно ярко проявился талант Шереметева. Граф размышлял о том, что рассказать своему другу о знаменитом событии. Ведь Павловский тогда увлекся написанием книги о Петровской России.

Случилось же так, что в этот вечер Шереметеву самому пришлось выслушать рассказ Павловского. Произошло все неожиданно. Шереметев поведал хозяину, что царь Петр, довольный боевыми подвигами графа, наградил его самым высоким орденом, а Меншикова орденом пониже. Меншиков, будучи человеком прямым, пожаловался Шереметеву:

– Петр хоть и считает меня своим другом, а награду все же дал поменьше.

Граф Шереметев, не задумываясь, ответил в сердцах:

– Вот, будет царь такие награды всякому говну раздавать...

Взбешенный и слегка подвыпивший Меншиков отправился жаловаться другу-царю. Но и у него не нашел поддержки. Петр сказал просто:

– А что, граф-то прав!

Рассказывая эту историю Павловскому, Шереметев недоумевал, откуда берутся такие беспардонные люди. И вот тогда Павловский вспомнил историю, услышанную им от отца.

Имение Павловских славилось лошадьми. При них держали и хороших конюхов. Бывало, что лошадей продавали, но чаще дарили близким или друзьям. Одного из лучших жеребцов подарили Андрею Засыпину, который приходился двоюродным братом отцу Александра Павловского. Они были большими приятелями. Но в один прекрасный день их общению пришел конец. Путь в дом Павловских Андрею Засыпину был заказан. О причине ссоры двоюродных братьев знали все родные, но никогда между собой этот вопрос не обсуждали. Считалось происшедшее семейной тайной.

Жена конюха Катерина была красивой деревенской женщиной. Андрей Засыпин, как говорят, не мог пропустить никого: Катерина родила мальчика через два месяца после рождения молодого графа Александра. Своего сына она назвала тоже Александром. Все знали, что забеременела она от Засыпина: конюх давно после несчастного случая потерял свою мужскую силу. Он стал пить, часто бил жену, а в одну из зим утопился в проруби.

Мальчик рос при усадьбе, часто играя с хозяйскими детьми. Засыпин и не пытался проявить какую-либо заботу о нем, чем еще больше восстанавливал против себя Павловских. Алексашка, так звали его в имени, был шустрым и довольно способным мальчиком. Он быстро научился читать и писать, но все страдали от его хулиганских проделок. Его часто ловили при попытке стянуть из домашних запасов что-то вроде копченых колбас или варенья. Порка следовала незамедлительно.

Катерина умерла, когда Алексашке исполнилось девять лет. Мальчик сбежал из дома почти сразу после похорон матери. Павловские пытались разыскать ребенка, но большого рвения при этом не проявляли.

Перед смертью, рассказывая эту историю сыну, граф поведал ему, что совершенно случайно узнал от своих знакомых, что еще мальчишкой Алексашка на Язуе, которую он знал вдоль и поперек, спутался в молодом цесаревичем и даже подружился с ним.

Граф Шереметев, возвращаясь домой, думал об услышанном с каким-то смешанным чувством. Уже подъезжая к своему дому, он как бы сказал самому себе: «А может быть, я и напрасно оскорбил друга нашего царя».

Секрет возвращения Суворова

В Москве выдался прекрасный осенний день. В семье купца Габриэла Манукяна, в доме недалеко от центра столицы, шумно отмечали рождение долгожданной дочери. После трех сыновей жена Габриэла – Ануш родила купцу девочку. Хозяин дома был на седьмом небе! У него уже были наследники, его сыновья. Они носили его фамилию, фамилию предков. Но он очень хотел иметь в доме девочку, и вот теперь этот день настал. По этому случаю Габриэл купил у соседа-армянина, тоже известного купца, редкий индийский бриллиант и подарил его своей жене со словами: «Бриллиант – за бриллиант».

Девочку назвали Ашхен. Так звали мать Манукяна. Веселье в доме продолжалось допоздна. Гости от души поздравляли Габриэла.

Всем присутствующим было известно, что сам царь Петр прислал поздравления и подарок для новорожденной. Купец не скрывал своей радости и гордости, неоднократно предлагая выпить за здоровье царя, который не обошел вниманием такого простого человека. Правду говоря, сам купец не был таким уж простым. Его отец Петрос Манукян служил доверенным поставщиком разных товаров царю Алексею, отцу Петра. Даже говорили, что эти два образованных человека сблизились, и Петрос часто приглашался ко двору. Габриэл продолжил дело отца и сразу понравился молодому царю, которого особенно поражало знание Габриэлом многих иноземных языков.

Габриэл Манукян попросил своего друга, генерала Боголюбова, сподвижника Петра, стать крестным отцом Ашхен. Ашхен росла на глазах Боголюбова, который не переставал удивляться, что армянская девочка имеет такие, совсем русские, голубые глаза. Дело в том, что все предки Ашхен тоже были голубоглазыми и, как они говорили, унаследовали этот цвет от цвета воды великого озера Ван. В Россию родители Габриэла попали из Османской империи, гонимые янычарами за свои христианские корни.

Когда умер великий царь – император Петр I, пожилой генерал Боголюбов подумал о том, что так несправедливо и неожиданно обрывается человеческая жизнь, а вместе с ней и планы ушедших людей. Петр Великий мог столько еще сделать для России. И вот его нет... Что же будет? Тревожные мысли тяготили его. Генерал решил отправиться к Габриэлу, чтобы с ним разделить горечь общей утраты.

В доме Манукяна генерал всегда чувствовал себя уютно, он привязался к своей крестнице, ему очень нравилось, что его считали уже не столько другом Габриэла, сколько крестным отцом Ашхен. Кавор – это по-армянски крестный отец, именно так уже многие годы его называли в семье купца. За пятнадцать лет Боголюбов понял, что кавор – это так же серьезно, как и родной отец.

Так случилось, что по дороге Боголюбов повстречал своего молодого приятеля – генерала Василия, которого пригласил пойти вместе.

– Ты увидишь, какая это семья, – сказал он.

Ашхен, как и все восточные девушки, выглядела старше своих лет. Ее голубые глаза, казалось, наполняли комнату светом. Молодой генерал был пленен ее красотой. Вскоре Василий просил совета у Боголюбова, как посвататься к родителям Ашхен.

На их свадьбе кавор Боголюбов в одном из своих тостов пожелал Ашхен родить Василию настоящего солдата. Никто не мог знать, что вскоре у Ашхен родится мальчик, которому уготована судьба генералиссимуса. Фамилия Василия, мужа Ашхен, была Суворов. Сына назовут Александром. Шел тогда 1729 год.

А между тем, у другого военного специалиста – Алоиса Зайзенберга, приглашенного Петром преподавать в кавалерийской школе, от русской жены родился сын Фридрих.

Александр Суворов и Фридрих Зайзенберг почти одновременно стали солдатами Семёновского полка. Именно здесь они стали друзьями. Фридрих пошел по стопам отца. Александра же влекла стихия живого боя. Оба становились известными военными: один – непревзойденным полководцем, другой – популярным и любимым наставником военной молодежи. Императрица Екатерина II ценила их обоих, хотя и частенько «драила» и того, и другого за слишком независимый характер. Она как-то пожаловалась своему фавориту Потемкину:

– Этот немец хуже русского, а этот русский хуже немца.

Потемкин согласился и добавил:

– У русского-то матушка – армянка: это вообще гремучая горилка, но вояки они славные.

Еще при жизни Екатерины ее сын Павел, недолюбливая и Александра, и Фридриха, а также завидуя им, частенько жаловался на них, словно подливал масло в огонь, чтобы усилить недовольство императрицы. Павел не понимал, что тем самым он вредил и себе, так как его мать не любила, когда ее собственные настроения подогревались близкими.

Екатерина и без того недолюбливала своего сына Павла и даже пошла на то, что поженила своего внука Александра четырнадцатилетним юнцом, чтобы как-то помешать восхождению Павла на престол. Сразу же после смерти «матушки» Павел начал расправу с неугодными.

Фридрих, еще до смерти императрицы распрощавшись с ней, уехал в Альпы, в деревню родственников. Екатерина сказала ему на прощание:

– Понимаю тебя, но не одобряю.

Павел отстранил Суворова от командования войсками и отправил в ссылку в родовое имение Кончанское.

Оба престарелых друга оказались не у дел, когда молодой генерал Бонапарт стал наводить страх на Европу. В антифранцузской коалиции хорошо понимали нависшую над ней опасность. Австрийскому государю Францу доложили, что опытный специалист, любимец самой Екатерины, Фридрих Зайзенберг живет в Альпийских горах. И вот ранним утром к дому генерала подъехала карета, один вид которой собрал множество зевак. Деревню облетела новость: сам монарх хочет поговорить с Фридрихом. Именно так это и было. Франц знал о блестящих способностях Зайзенберга и хотел посоветоваться с ним относительно управления войсками. Рекомендации военного теоретика обескураживали. Фридрих без всяких колебаний предложил поставить военачальником Суворова.

– Только Суворов может переиграть Наполеона, – твердо заявил Зайзенберг.

– Так ведь он же стар! – воскликнул высокий гость.

Фридрих явно ожидал такого ответа, поэтому немедленно возразил:

– Ваше величество, так говорили, когда Екатерина посылала Суворова подавлять Пугачева, а затем и польское восстание. Все знают, чем все это кончилось. Суворов – военный гений, у меня нет никаких сомнений на этот счет.

Франц знал, как Павел расправился с великим полководцем, но все же надеялся, что сумеет убедить Павла вернуть Суворова, однако сомневался в самом Суворове – а вдруг тот оскорбился и откажется воевать. Фридрих развеял сомнения австрийского государя:

– Ваше величество, Суворов даже во сне водит солдат в атаку, он плюнет на все обиды и вернется в свою стихию. Вы только уговорите Павла, и пусть он попросит полководца, а не прикажет, да еще скажет, что Отечество нуждается в нем. Гарантирую: Суворов согласится.

Находясь в своем имении в деревне Кончанское, Александр Суворов не пал духом. Он продолжал следить за развитием событий в Европе, с большим интересом изучал Итальянскую кампанию Наполеона. Конечно, бывали и минуты отчаяния. В одну из таких минут Суворов даже послал императору Павлу прошение о разрешении ему уйти... в монастырь и постричься в монахи. Ответа Суворов не получил. Прославленный полководец почти смирился с мыслью, что остаток своей жизни он проведет в изгнании.

Зима 1799 года была холодной. Февральским морозным утром в село Кончанское прискакал из Санкт-Петербурга флигель-адъютант Толбукин и вручил Суворову послание от самого императора Павла. Старик долго не распечатывал конверт – ничего хорошего он не ждал от своего обидчика. В комнате, где он пил чай, постоянно поглядывая на лежащее перед ним неожиданно полученное письмо, вошла его дочь. Еще во времена Екатерины Александр Васильевич категорически отказался отдать свою Суворовку (так он любя называл дочь) ко двору властной и капризной императрицы. Только ему могла простить Екатерина такую дерзость. Дочь Маша гостила у отца, стараясь развеять его тревоги. Суворов передал ей конверт. Маша медленно открыла его и начала читать вслух:

«Граф Александр Васильевич, теперь не время рассчитывать. Виноватого Бог простит. Римский император требует Вас в начальники своей армии и вручает Вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а Ваше – спасти их...»

Маша посмотрела на отца – о, ужас! – она не видела такого никогда: ее отец плакал! Она стала перед ним на колени, обняла его ноги и зарыдала сама. Александр Васильевич поцеловал ее в лоб и стал успокаивать дочь.

Гений, он и есть гений, чтобы уметь прощать всех, даже врагов. На вопрос Маши, что он собирается делать, Суворов ответил:

– Я уже в Италии, вот жаль, что нет там молодого Бонапарта, и он не успеет туда из Египта, так как с другими я разделаюсь быстро – побегут они у меня, как бегали турки на радость твоей бабушки.

Французская армия шла от одной победы к другой. В Европе не было никого, кто мог бы стать на ее пути. Но так не казалось только одному человеку – Фридриху Зайзенбергу. Находясь у себя в альпийской деревне, он уже знал, что Франц послушал его совета, а самое главное – Суворов согласился. В друге-то он не сомневался...

Итальянский поход фельдмаршала, головокружительный и дерзкий, привел всю Европу в изумление. Петербург и Вена ликовали. Императору Павлу деваться было некуда, хотя и ему надо отдать должное: за итальянскую «сонату» Суворов был возведен им в титул князя Итальянского.

...В Австрийских Альпах радовалась и пела весна, наполняя душу восторгом. У дома Фридриха остановился экипаж. Старый вояка не любил визитеров, особенно тех, кто мог позволить себе приехать в карете. Он попытался было спрятаться и предоставить слуге разобраться с непрошеным гостем, но вдруг увидел до боли знакомую фигуру... Друзья медленно приближались друг к другу. Александр обнял Фридриха.

Суворов от императора Павла узнал о разговоре Зайзенберга с австрийским монархом. Фридрих понял это. Он замер в объятиях Суворова, тронутый его верностью и благородством.

...Прошло немало времени. В Петербурге шел дождь. Нева, серая и мощная, вбирала в себя капли дождя, словно горькие слезы неба, – так казалось человеку, стоящему на ее берегу. Он приехал в родной город хоронить друга, узнав о его смерти от самого государя Франца. На могилу генералиссимуса Александра Васильевича Суворова Фридрих Зайзенберг возложил венок с надписью: «Великому солдату – от всех генералов».

Двойник Наполеона

Шторм всю ночь разрывал море. Волны небывалой высоты и силы, разбиваясь о скалистые берега острова, казалось, вот-вот затопят его. Местные старожилы не помнили такого, да и не слышали от своих предков о том, что подобные штормы случаются здесь. Свет был виден только в одном из домов, расположенных на возвышенной части острова. Там в семье адвоката ожидали рождение ребенка. За местным доктором послали служанку Лиси. Прошло уже больше двух часов, однако никто не появлялся.

Служанка Лиси сильно испугалась, когда хозяин приказал ей бежать за врачом. В такую непогоду, говорили местные жители, даже черти прячутся в ущельях. Но еще больше она боялась послушаться главу семьи – Карло, крутой характер которого знали не только его близкие, но и жители всего острова.

Доктор Свири, уже совсем немолодой человек, крепко спал, когда Лиси постучала в окно. Его первым желанием было послать к роженице своего помощника, но он вспомнил, как Карло предупреждал его:

– Смотри, прибегай сам, никаких помощников.

Свири собирался медленно, и мысль отправить вместо себя другого вновь пришла ему в голову, но он сразу представил себе реакцию роженицы Летисии, и ему стало даже немного страшно – уж она никогда не простит ему такого неуважения. Ее нрав был под стать нраву мужа. Ясно, деваться некуда. Он продолжал медленно собираться. Лиси торопила.

Море шумело, как дикий зверь. «Ну и погода, – думал про себя Свири по дороге к адвокату. – Угораздило же Летисию рожать в такую ночь. Каким же будет ребенок, рожденный у таких родителей, в такую стихию!»

Карло встретил их бранью. Он волновался, и не напрасно, так как у Летисии начались роды. В семье Карло родился мальчик. Никто, конечно, не знал, что об этом человеке заговорит весь мир: в эту ночь в доме адвоката, небогатого дворянина, родился Наполеон Бонапарт.

За многие тысячи километров от Корсики, где родился Наполеон, в небольшом рыбацком поселке на юге Франции в семье состоятельного рыбака, владельца нескольких крупных баркасов, Генри Ферти, в ту же самую ночь появился на свет первенец, названный Жераром.

Отец Жерара объявил, что сын не повторит путь своего родителя, и он будет водить не рыбацкие, а военные корабли. В то время, когда на Корсике и юге Франции в рыбацком поселке раздавались крики младенцев, в Париже, в доме тайного сыщика короля Людовика XVI – Жака Планти – родился мальчик Франсуа.

Судьба уготовила этим трем младенцам жизнь, полную славы, драматизма и приключений. Пройдет много лет, и их пути пересекутся.

...Генерал Бонапарт был нетерпелив. Россию он хотел завоевать так же быстро, как это произошло и с Европой. Правда, ему все еще не давала покоя и непокоренная Англия. Но с лавочниками, как он их называл, Бонапарт имел в виду рассчитаться позже.

Россия не то что удивляла: эта страна, то есть ее простой народ, солдаты, поражали, заставляли великого полководца усомниться в понимании человеческой природы. Он не мог представить, как униженные до уровня рабов крепостные так яростно сражаются с его армией, армией освободителя.

В свите Наполеона всегда было много одаренных политиков, к советам которых он часто прибегал, но не всегда им следовал. Один из них, видя растерянность Бонапарта, предложил объявить в случае победы об отмене в России крепостного права и тем самым привлечь на свою сторону простой люд. Наполеон оставил эту идею без внимания: вероятно, он уже успел увидеть, что с русским человеком не все так просто.

После московского пожара война с Россией уже практически была проиграна, и Наполеон понимал это. Перед ним стояла нелегкая задача – спасти свою армию и вернуться домой с наименьшими потерями. Но русские не оставляли в покое французов, преследуя их на всем пути отступления. Окружение Наполеона уже беспокоилось о безопасности самого Бонапарта. Именно в этот момент один из его тайных агентов выдвинул секретный план спасения.

В поле зрения агентов Наполеона уже давно попал один весьма способный морской офицер. Он отличился еще при Трафальгарской битве. Не только храбрость офицера привлекала к себе внимание, но и его разительное внешнее сходство с Наполеоном. Офицера звали Жерар Ферти. Было замечено, что успешно продвигающийся по службе Ферти во всем старался походить на Наполеона. Все знали, что император был его кумиром.

Приближенный к Бонапарту агент Планти уже давно интересовался Жераром и предложил срочно привезти в ставку морского офицера, чтобы использовать его в качестве двойника, а самому Наполеону тайно отправиться в Париж.

Наполеон сначала пришел в ярость при мысли, что где-то во Франции специально держат его двойника.

– Что это? Заговор? – кричал он.

Ему также не нравилось, что придется покинуть свою армию.

Планти хорошо знал своего Наполеона. Он выслушал все упреки и даже оскорбления, ни разу не перебивая императора. Когда Наполеон немного остыл, Планти рассказал ему всю историю Жерара. Наполеон задумался на мгновение. Сама идея уже не казалась ему такой дикой. И все-таки он сказал:

– Нет, не сейчас.

Планти все понял: Наполеон был им доволен.

Поражение в войне с Россией, казалось, поставило точку в триумфальной жизни императора. Сосланный на остров Эльба, Наполеон, по мнению почти всех своих и врагов, и сторонников, не мог представлять никакой угрозы Европе.

– Континент избавился от тирана, – с радостью говорили англичане.

Да, избавился, но ненадолго.

Побег Наполеона с острова Эльба, его ни с чем не сравнимое возвращение и победное вхождение в Париж вместе с боевыми маршалами, вновь перешедшими на его сторону, заставили дрожать всех, кто думал, что избавился от Бонапарта. Но звезде Наполеона все же предстояло закатиться. Проигранное при Ватерлоо сражение было для него последним. Последним боевым сражением.

Не мог знать даже Наполеон, что еще много лет он будет вести нелегкую борьбу под видом провинциального француза, охраняющего тайну собственной смерти.

После катастрофы при Ватерлоо Наполеону предстояло проделать большой путь на остров Святой Елены, где в ссылке, под строгой охраной, он должен был провести последние годы своей жизни.

Его агент Планти оставался на свободе и часто встречался с морским офицером Жераром, который тяжело переживал происходящее. Жерар даже думал убить генерала Груши, считая его виновником поражения Наполеона при Ватерлоо. Он был уверен, что Груши не заблудился, идя на помощь Бонапарту, а специально опоздал, сделав вид, что сбился с дороги. Ходили разные слухи о причинах фатальной ошибки Груши.

Так или иначе, морской офицер Жерар готовился осуществить собственный замысел и, полностью доверяя Планти, рассказал о нем. В ответ любимец Наполеона предложил совершенно другой план.

Наполеон всегда ценил Планти за изобретательность, доходящую до неукротимых фантазий при разработке им различных вариантов розыска необходимой для Бонапарта информации. Наполеон часто использовал эти способности Планти, оценивая точность сведений

об интригах своих министров. Сам Талейран неоднократно страдал, становясь жертвой таких донесений.

Услышанный Жераром план вдохновил его. Он знал многое о таланте Планти, но то, что предлагалось на сей раз, – превосходило все ожидания.

Планти выбрал простой и дерзкий путь. Он предлагал Жерару заменить собой Наполеона, отправившись вместо него на остров Святой Елены. Планти не сомневался в успехе операции, так как сходство Наполеона с Жераром было разительным. Планти помогали специальные люди, которые, поработав немного с гримом, могли довести любое сходство до совершенства. Они же брались поработать и с Наполеоном, превратив его в другого человека.

Планти выверил все до мелочей и подробно изложил придуманное ошеломленному Жерару. Морской офицер, не колеблясь, согласился.

Наполеона держали под арестом в засекреченном месте под усиленной охраной. Надо было, во-первых, ознакомить его с этим планом и, во-вторых, что было самым главным, получить согласие.

Ранее Планти приходилось решать задачи и посложнее. Он разыскал мужа служанки, убиравшей в помещении, где содержался Наполеон, и передал через нее письмо низложенному императору. В письме Планти использовал пароль, известный только ему и Бонапарту, поэтому у Наполеона не возникло никаких сомнений, что пишет ему его верный агент.

В случае согласия Наполеона с предложенным планом, он должен был передать через женщину фразу: «Я болен». Это означало не только поддержку придуманного в целом, но и решимость сделать первый шаг: Наполеон должен был пожаловаться на сильные боли в желудке и потребовать к себе врачей.

Планти и Жерар с тревогой ждали в заранее назначенном месте прихода Серса, мужа уборщицы. Тот появился заметно взволнованный. Серс не сомневался, что не получит второй половины огромной для него суммы за короткое и невнятное сообщение: «Я болен». Ему и в голову не приходило, какое действие окажут всего два слова. Запрятав деньги, он быстро исчез.

...Планти по природе своей был игроком, но не таким, который в азарте может потерять голову и пуститься в авантюру, он был игроком многоходовых комбинаций, рассчитанных с учетом сильных и слабых сторон противника. Это он однажды осмелился сказать Наполеону, отвечая на его вопрос: «Все ли вы учли?» – «Нет, сир, всего учесть нельзя, но надо быть готовым ко всему!»

Сейчас Планти задавал этот вопрос сам себе. Он видел, как волнуется Жерар, поэтому, расставаясь с ним, спокойно, но твердо потребовал:

– Прочь волнения, мы служили императору без суеты, наша операция – продолжение службы.

Операция началась на следующий день. Через час после ужина Наполеон заснул. Ближе к полуночи охрана услышала тяжелый стон. Сначала им показалось, что Наполеон так тяжело дышит во сне, но шум усиливался, напоминая громкий кашель, и наконец охрана услышала сдавленный крик Наполеона. Он звал на помощь. Солдат открыл дверь и увидел скорчившегося на кровати Бонапарта. Наполеон блестяще сыграл роль человека, испытывающего страшную боль в животе. Он кричал, что его отравили. Испуганный солдат быстро закрыл дверь и побежал докладывать начальнику охраны. Решение последовало незамедлительно: солдата послали в военный госпиталь, который находился неподалеку. Уже при входе в госпиталь он встретил дежурного, которому и рассказал, что происходит с Наполеоном. Этот дежурный оказался славным и быстрым малым; и уже через десять минут появился совсем небольшого роста врач с двумя помощниками. «Врач» был в каком-то потрепанном плаще, а его лицо прикрывал натянутый на голову берет. Козья борода и слегка пышные усы делали его совсем смешным. Солдату даже показалось, что помощники слегка подтрунивают над своим врачом.

Наполеону становилось все хуже и хуже, поэтому все вздохнули с облегчением при виде врача. Он быстро приступил к делу. Сначала при всех дал Наполеону выпить какую-то микстуру, а затем попросил помощников перенести Бонапарта в другую, более просторную комнату.

Расчет Планти осуществлялся с небывалой быстротой. Начальник охраны и солдаты слышали, как врач задает вопросы и отдает команды помощникам. Стоны стихали, а затем и вовсе прекратились. Было слышно, как Наполеон благодарит всех. Появившись, доктор попросил не трогать больного и, вздернув руки, удалился с помощниками, повторяя: «Нервы, нервы!»

Планти, конечно, уже знал от «дежурного» по госпиталю, что к Наполеону вызвали «врача». Теперь он ждал Наполеона... «Помощники» должны были привезти его в укромную квартиру, которую Планти получил в наследство от своей тетки. Ожидая, он вновь мысленно прогонял разработанный план. Был вариант, по которому Наполеон-Жерар после «процедур», встав с кровати и проводив доктора-Наполеона до выхода из большой комнаты, тем самым покажет себя охране! Но Планти отмел такую возможность, сделав упор на живом разговоре «доктора» с Наполеоном и «помощниками».

Перед глазами выстраивались разные картины. Вот Планти видел своего Бонапарта в небольшой деревне на юге Франции, где тот жил под именем Бернара Ляпрена, хозяина винной лавки, и... здесь Планти подумалось, что предложение с винной лавкой Наполеону наверняка не понравится. Но есть и другие...

Раздался стук в дверь. Планти вздрогнул: неужели пришел этот момент? Он открыл дверь и ужаснулся: перед ним стоял некто неузнаваемый. Однако находящиеся тут же два агента-гримера вернули Планти уверенность... Наполеон обнял его. Для Планти не нужно было больше никакой награды.

– Сир, какая удача, я... – начал было Планти.

Но резкий знакомый голос оборвал его:

– К черту, никаких больше «сиров», я...

– Бернар Ляпрен, – закончил за него Планти.

На земле появился новый человек. Назвали его Бернар Ляпрен. В своей прошлой жизни он был талантливым артиллеристом, незаурядным генералом, императором, грозой всей Европы. Многим казался гением. Кем он будет теперь?

Остров Святой Елены для Наполеона стал местом, где ему пришлось провести последние годы своей жизни. Он умер там, забытый практически всеми людьми. Умер он ночью. Местный рыбак, единственный человек, с которым Наполеон сдружился, рассказывал, что слышал от врача, как перед смертью бывший император, видимо в бреду, повторял:

– Отец, прости... твой морской... офицер... умирает... сын Жерар верно... служил... Наполеону...

В эту же ночь далеко от острова Святой Елены, на юге Франции, в местной больнице небольшого рыбацкого поселка, умер хозяин компании, которой принадлежало с дюжину крупных современных баркасов, – Бернар Ляпрен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.